

© 2007 А.К. Сытин*
ЗОДЧИЙ ЧЕРТОВ ФЛОРЫ
(К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КАРЛА ЛИННЕЯ)

Статуя К. Линнея в нише южного фасада Королевского дворца в Стокгольме
(Фото Л.В. Рязановой, 2007)

Из Петербурга попасть в страну, где жил и умер Карл Линней нетрудно. Турфирмы предлагают недорогие круизы на автобусе и пароме. Путешествовать по Финляндии и Швеции приятно, особенно весной, когда уже нет снега, прошлогодняя трава жухлая, деревья голые, но уже прянули первоцветы, а природа и люди предчувствуют наступление короткого северного лета. Труднее двигаться к постижению прославленного *Botanicorum Principi* («Князя ботаников»), как называли Линнея его современники. Не только потому, что он принадлежит иному времени, культуре, языку. В личности его было нечто та-

кое, что сразу ставило его в особое положение. Эта исключительность сохраняется и поныне.

Наша попытка приблизиться к Линнею, подышав воздухом Швеции, походив по ее каменистой скудной почве, посмотрев на производимых ею детей флоры, возможно и сентиментальна, но все же, как первый шаг – необходима. Сделать же второй и третий, или отступить в замешательстве перед загадкой странного Века Просвещения, где свет порой неотличим от тьмы, а властители дум, скрываются в безумие – это выбор тех, кто обра-

* Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН, г. Санкт-Петербург.

щается к таинственной, все более вырастающей в исторической перспективе, фигуре великого шведа.

Жители Скандинавии связаны с природой интимно: зайцы почти невозбранно лакомятся растениями, выращиваемыми на грядках Ботанического сада в центре Хельсинки; у ратуши в Стокгольме, где нобелевским лауреатам вручают премии, чета сорок озабочена продолжением сорочьего рода; недалеко от монумента Карлу XII влюбленные пары, дети, пожилые супруги и просто люди, прибывшие со всего света, любят ветвями розовой сакуры – в апреле 2007 года она цвела особенно пышно.

Весна была тепла и солнечна, но внезапный шквал, налетевший на многопалубный паром, скользивший между россыпью гранитных шхер Балтийского моря, предупредил о превратностях местного климата, а двумя днями позже, в Упсале, ночная буря засыпала снегом приземистые тисы, окружавшие гостиницу и купол розовой мечети, недавно вытянувшей стройный минарет в угрюмое небо. В Швеции, как и во всей Европе, живет немало мусульман.

Линней впервые неожиданно предстал с высоты Королевского дворца в Стокгольме в обществе государственных деятелей и военачальников, оставивших имя в истории страны и мира. Он стоит в нише и, склонив голову, изучает растение, опираясь на крепкую трость. Соответственно месту, он строг и официален, может быть слишком наряжен, ибо едва ли придавал в жизни много значения кружевам и позументам, коими старался украсить его скульптор. Линней, обласканный королями, не стремился стать придворным. Он был зодчим чертогов Флоры и, стараясь следовать замыслу Зиждителя Природы, облек свое строение в столь соразмерные формы, что и по сей час мы склоняемся перед всеобъемлющей пронизательностью его разума. Современники отмечали безукоризненную меру в объеме родов, очерченных Линнеем. Но в исторической перспективе новизна его метода представляется еще более фундаментальной. «Важнейшая заслуга Линнея – утверждение *вида* в качестве основного «строительного кирпича» любой системы и всей систематики» – утверждает А.К. Скворцов, подчеркивая, что новаторство Линнея состоит в избрании вида в качестве структурной таксономической единицы существующей между родом и индивидом, и таким, образом, предваряет представления XX в. о существовании надорганизменного уровня генетической интеграции живой материи. Столь же современными и диалектичными кажутся и его представления о том, что строитель системы («inventor») возводит ее снизу (от вида) вверх (к классу), тогда как классификатор движется в обратном направлении (Скворцов, 2007 : 7).

Следующая встреча с Линнеем, уже вполне ожидаемая, произошла в столичном парке Хумлегорден, где он делит пространство со своим младшим современником, выдающимся химиком Карлом Вильгельмом Шееле (1742-1786), по профессии аптекарем, в 1773 г., открывшего кислород при нагревании селитры, независимо от англичанина Д. Пристли.

И если химик, среди своих реторт и колб, выглядит утомленным, но к нему можно сочувственно прикоснуться, вскарабкавшись на крутую горку, то Линней, вознесенный на высокий восьмигранный пьедестал, абсолютно недоступен. Задрапированный в тяжелые складки плаща, он представлен всесильным повелителем трех царств природы, а гордые, стихийные духи, покорно окружили подножие гранитной призмы. Среди четырех женских фигур первенствует та, что олицетворяет мир растений, может быть, сама Флора, а возможно и Ботаника – величественная богиня с пучком трав. Слева – Медицина с чашей и змеей, две другие фигуры – Зоология с журавлем и Минералогия с кристаллом. Об особой склонности великого Архиаatra (т.е. главного медика) к ботанике свидетельствуют растения, которые он держит в левой руке, а книга, зажата подмышкой, представляется некоей скрижалю завета. Удаленность фигуры и несоразмерность масштаба восприятия, не позволяет с уверенностью опознать растения, что несет бронзовая длань, равно как и понять, какой закон мироздания вписан в таинственную скрижаль. Этот Линней напоминает шекспировского Просперо, с помощью магического плаща и волшебных книг подчинявшего силы природы, а эзотерическая тайнопись «Бури» отсылает к концепции преемственности виталистической философии позднего Ренессанса и науки Нового времени (Йейетс, 1999). Это необязательная ассоциация приводит на память вопрос, разрешением которого занялся А. Кейн в исследовании «Был ли Линней розенкрейцером?». К положительному ответу с некоторой степенью уверенности он приходит на основании анализа состава его библиотеки (Cain, 1992).

Однако в этом сооружении заключена и идея универсализма знания, которым обладал Карл Линней в полной мере. Он был не только систематиком. Одним из первых геоботаников считал его виднейший из ботаников Швеции, идеолог Упсальской школы фитоценологии Г.Э.Дю Рие. А его «Systema Naturae» – всеобъемлющий свод природы, где 1 том «Animalia» (1758) стала номенклатурным рубежом для зоологов, как прежде «Species plantarum» (1753) валидизировала биномиальные названия растений. Обе даты делят систематику на «линневскую» и «долинневскую» – редкий случай точно датированной периодизации в истории науки. Идеи Линнея питали научные дисциплины долгое время спустя, таковы и его «идеальный континент», и в особенности, его мысли о целесообразности взаимодействий в живой природе, прямо предшествовали становлению экологии. Но при всеохватности постижения универсума, Линней дал ключ, с гениальной простотой позволявшей ориентироваться в его системе – число и соотношение частей репродуктивных органов цветковых растений позволяли надежно идентифицировать любое, из известных ему растений.

Наконец, к последнему стокгольмскому образу Линнею мы подошли? запыхавшись, ибо посещение его дома на набережной южной оконечности Королевского острова не входило в маршрут экскурсии. Надпись под барельефом на стене дома (Sleesplan, 11) в Стокгольме извещает, что Линней жил в 1739-1742 –гг., а другая, на шведском и грузинском языках, что за

три десятилетия до него Александр Багратиони (1674-1711), побратим Петра Великого, артиллерист и первый фельдцейхмейстер России. Совсем недавно его жизнь стала предметом изучения (Ватейшвили, 2003) и это русско-грузинское соседство Линнея значимо для россиян. Да и сам Линней чрезвычайно дорожил связями с огромной восточной Империей и в шестидесятилетнем возрасте едва ли не стал жителем Санкт-Петербурга, об этом велись переговоры с Академией.

Стокгольмский период для Линнея был чреват многими искушениями, но, прежде всего, перед выбором между хорошо оплачиваемой медицинской практикой и занятиями ботаникой: «Ну, сказал я, эскулап приносит все хорошее, а флора – только Сигезбеков. Я оставил ботанику, тысячу раз принимал решение уничтожить все мои собрания раз навсегда. Вскоре затем я получил место старшего врача на флоте, а государственные сословия назначили мне содержание по 100 дукатов в год, с тем чтобы я преподавал ботанику в Стокгольме. Тогда я снова полюбил растения и женился на моей пять лет ожидавшей меня невесте» (Бобров, 1970 : 110) – как писал он знаменитому геттингенскому профессору Альбрехту фон Галлеру, в ответ на предложение занять освобождаемой им место в знаменитом университете Германии. Он стал одним из учредителей Академии наук (*Academia Holmiensis*) и первым ее президентом (1739).

Связь между Академиями укрепила международные контакты Линнея, и, в частности, отношения с Петербургом. Здесь он имел противников – как вздорный пурист И.Г. Сигезбек; рассудительных оппонентов как И. Амман; корреспондентов щедро делившихся с ним находками как И. Гмелин, И. Фальк, И. Георги, Э. Лаксман; но и молодых активных конкурентов как П.С. Паллас, со временем занявший подобающее ему место в научной иерархии – его нередко называли «русским Линнеем». Появились и переводчики его трудов. Тимофей Смеловский познакомил русского читателя с «Философией ботаники» (1800). Десятилетием раньше издан курьезный трактат о водке (Линней, 1790). Но заметим с сожалением, что литературный слог Линнея- писателя все еще неведом русскому читателю, а ведь многие страницы «Лапландского путешествия» или «Путешествия на Готланд» признаны классическими текстами описательной прозы и переведены с шведского на многие европейские языки.

Но как бы ни было полезно созерцание бронзовых масок Линнея – строителя системы, ученого-универсалиста, добропорядочного бюргера – дух, его неуловимый и изменчивый, рвался прочь из тесноты каменных улочек Стокгольма, и вслед за ним мы устремились к привольным склонам парка Сканс, расположенного на музейном острове, по соседству с Шведским музеем и ангаром, где экспонируется затонувший галлеон короля Густава Вазы. В Скансе собраны этнографические объекты – крестьянские усадьбы, амбары, овины, мельницы, продолжается жизнь ремесел и промыслов, всяческих кустарных производств, торгуют пекарня, пивоварня, аптека. Зверинец демонстрирует местную дикую фауну и разнообразие пород домашних животных и конечно же, чаруют сады: причудливой формой

стриженных лабиринтов, затейливым орнаментом куртин, рабатов, боскетов, пергол, пышностью клумб – все эти элементы упорядоченной природы окружали Линнея. И всё перечисленное разнообразие рукотворных произведений подчинялось круговому течению времени, циклическому аграрному круговороту, традициям и обрядам издревле бытовавшим в Северной Европы – в те дни пасхальным – и символ воскресения здесь не окрашенные луковой шелухой багряные яйца, а желтый пух цыпленка, проклюнувшегося из скорлупы, образ лишенный византийского мистицизма.

В этом же парке, стоит каменный дом состоятельного горожанина, окруженный сараями с крышами крытыми дерном, именно такими, какие видел Линней от рождения до смерти, но интерьеры этого дома украшены чудесными картинами, изображающими заморских птиц и экзотических растений. Они отражают тот мощный и плодотворный интерес с многообразием жизни Земли, вспыхнувший когда Великие географические открытия расширили пределы обитания европейцев. Экспансии христианских миссионеров в экваториальные широты океанических островов Малайзии и влажные тропические дебри Нового Света обогатило сведениями о новых диковинных произведениях Природы. И ученики Линнея внесли большой вклад в познание флоры, фауны и удивительных обычаев аборигенов. Особенно успешно они исследовали Южную Африку. Андреас Спаррман (1748-1820), изучал быт бушменов и готтентотов, описал кваггу, двурогого носорога, гну и гиппопотама. Там же работал Карл Петер Тунберг (1743-1828) создавший фундаментальную «Капскую флору», а впоследствии и растения Японии. Апостолом учения Линнея в России был Давид де Гортер (1717- 1783), отредактировавший по линнеевской системе «*Flora ingrica*» (Petropoli, 1761), первую флору окрестностей Петербурга составленную знаменитым исследователем Камчатки, академиком Степаном Крашенинниковым (1713-1755), также одним из корреспондентов Линнея (См. Карл Линней. Сборник статей. М.: Изд-во АН СССР, 1958).

Итак, не Геттинген, ни Стокгольм, а тихая провинциальная Упсала стала местопребыванием прославленного ученого. Линней в 1741 г. становится профессором Упсальского университета, его *alma mater*, одного из старейших в Европе. Он расцвел в 1477 г. щедростью короля Густавом-Адольфом, который пожертвовал ему все свои фамильные богатства.. В матрикулы Университета Линней был вписан в 1728 г. и изучал медицину в крутом амфитеатре анатомического театра-средокрестия аудиторий старого «Густавианума». В октябре 1741 г. лекцией «О необходимости путешествий по Отечеству» началась профессорская деятельность Линнея.

Упсала, расположенная в 66 км к ССЗ от Стокгольма, немного южнее 60° параллели, связывающей Петербург и Осло. – старинный университетский город в в области Упланд, плодородной равнине, на берегу судоходной до этого места р. Фюрис (Fyris), Некогда она была историческим центром Шведского королевства. В названии топонима Упсала корень «*sala*» связывают с шведским эпитетом «гористый», но гор как таковых нет в этой равнинной и плодородной местности, зато есть цепь холмов или кур-

ганов в окрестностях деревни Старая Упсала (Gamla Uppsala), ныне охраняемых как археологические памятники. Некогда здесь был центр языческого культа и резиденция верховного жреца (бывшего и верховным конунгом), с исчезнувшим теперь храмом и священной рощей. В хронике Адама Бременского (XI в.) упоминается и священный тис, и особо почитаемый – «буревой (ветряной) старик» Фрейр, которому подносили в дар небольшие модели челнов. («Мифы народов мира» Энциклопедия (Т. 1. : 287). Надо думать, что Линней посещал эти интересные для ботаника места, где растут дубы и ясени, экскурсируя по окрестностям Упсалы с многочисленными студентами, ведь особенностями распространением дуба в Швеции он очень интересовался. Что касается недр, то эта территория славилась рудниками и горной промышленностью и также привлекала заинтересованных лиц. Живые подробности посещения Упсалы с образовательной целью трех знатных юношей из России недавно опубликованы (Путешествие братьев Демидовых по Европе, 2006).

Упсальский университет один из старейших в Европе расцвел в 1477 г. щедростью короля Густавом-Адольфом, который пожертвовал ему все свои фамильные богатства.

Учиться ботанике и медицине в Упсалу стремились многие. Количество слушателей Университета во времена Линнея утроилось, а летом число любителей ботаники увеличивалось многократно благодаря его знаменитым экскурсиям, завершавшимся торжественным шествием и громогласным возгласием «Vivat Linnaeus!» всеми ее участниками.

Музей Линнея и сад в апреле был закрыт и находился в состоянии подготовки к летнему сезону. Бронзовая фигура, изображающая молодого Линнея была демонтирована с низкого постаменты и лежала возле дома. Считается, что этот сад является аутентичной реконструкцией университетского ботанического сада таким, каким он был во времена Линнея. Старейший в Швеции, он был основан в 1655 г. Олафом Рудбеком. Когда Линней начал профессорство в Упсале, он стал и директором сада, при этом сад был перепланирован как иллюстрация его системы. Однако сравнение с гравюрами воспроизведенными в замечательной книге Хелены Харнеск (Harnesk, 2006), показывают, что современный облик сада весьма далек от того, каким он был прежде. Во времена Линнея иными были конструкции стеклянных наклонных кровли оранжереи, площадь их была значительно больше, а в центре регулярного сада стояла статуя Венеры.

На грядках и теперь произрастают многие растения, полученные Линнеем из России, например, тонколиственный пион (*Paeonia tenuifolia* L.) полученный от Давида де Гортера из Санкт-Петербурга. Музей, находящийся в доме Линнея зимой закрыт и принимает посетителей с мая по сентябрь. В нем находятся коллекции Линнея, бытовые предметы того времени, парадные портреты самого Линнея и его жены Сары Лизы Линней (урожденной Мореа), которая вела хозяйство и родила ему пятерых детей. В большой зале, где проходили private занятия профессора с его учениками, соединяющей три комнаты, где располагались коллекции Линнея,

его рабочий кабинет и библиотека пространство между камином и дверным проемом занимает большой живописный портрет Линнея кисти Мартина Гофмана (1737). Линней изображен в молодости, в период знаменитого лапландского путешествия. В правой руке он держит растение, названное в его честь его другом Гроновиусом – *Linnaea* с бумажной этикеткой, в левой – шаманский бубен. Бубен является немаловажным атрибутом. Тщательная прорисовка того же бубна, где каждый знак пронумерован, выполнена тем же М. Гофманом и воспроизведена в немецком издании «Лапландского путешествия» (Linné, 1980 : 156). Линней предстает на этом портрете с одной стороны как ботаник, но и как непосредственный объект его этнографического изучения. «Лапонцы, и по большей части дикие народы, упражняются в чародействе» – характеризует их русский современник (Переводы из Энциклопедии. С. 104).

Окруженный преклонением, избранный почетным членом многих ученых обществ и Академий, в том числе и Петербургской (1754), возведенный во дворянство, Линней, на склоне лет приобрел небольшое имение Хаммабрю, где проводил лето, мирно занимаясь собственным садом и коллекциями. Умер Карл Линней в Упсале 10 января 1778 г., где и похоронен.

Кафедральный собор Упсалы сложенный из красного кирпича, был начат в 1260 г. французским архитектором E. de Bonneuil, окончен около 1435 г.; в 1702 г, сильно пострадал от пожара; а в 1886-93 гг. реставрирован под руководством Г. Цеттерваля в готическом стиле. В алтарной его части возвышается пышная гробница короля Густава Вазы, украшенная гербами множеством объединенных под его скипетром провинций. Менее великолепны надгробные памятники Иоанна III и многих, погребенных здесь представителей дворянских родов, совсем неприметно – Эммануэля Сведенборга.

Надгробие Линнея находится при входе с собор. Это большая плита темного камня на которой читается надпись: «Ossa Caroli a Linne eqv avi marito optimo filio unico Carolo a Linne patris successori et S. E. M.» («Кости (прах) Карла Линнея, кавалера – мужу (супругу) наилучшему единственному сыну Карлу Линнею, преемнику отца и (С.[ара]Э.]лизабет М.[ореа]»). Много лет спустя после погребения в левой части нефа, у северной стены собора. в близком соседстве с могильной плитой появился мемориальный знак с барельефным профилем Линнея и надписью «Carolo a Linné Botanicoꝝ Principi. Amici et discipuli. MDCCXCVIII» (Карлу Линнею, князю ботаников его друзья и ученики. 1798). Еще недавно, могильная плита Линнея, ничем не огражденная, была истерта подошвами и надпись стала почти неразличима. Теперь она высвечена и окружена бордюром живых цветов и вечнозеленым плющом, рядом с ней теплятся свечи, установленные на ветвистом, кованном канделябре.

Университетская библиотека «Carolina rediviva», насчитывает сейчас более 5 миллионов томов и уникальные манускрипты, среди которых хранятся и 10 рукописей Линнея, а также ряд писем в составе нескольких персональных коллекций (Dr. Erik Waller's Collection и др.). Во времена Лин-

нея Университет стал всемирным центром естествознания. Шведский король Густав III (правил с 1771 по 1792 гг.), подарил этому учебному заведению большой парк, ранее принадлежавший королевскому замку в Упсале. Парк был превращен в Ботанический сад благодаря усилиям Карла Тунберга. Он был открыт в 1807 г. и получил название «Линнеанум». Теперь здесь находится Институт ботанической систематики Музея эволюции с уникальными гербарными коллекциями (более 2 000 000 образцов). Среди них образцы самого Линнея, но и особую ценность обширные коллекции Карла Тунберга из Южной Африки и Восточной Азии, а также сборы многих других корреспондентов – врачей, моряков, миссионеров, рисковавших жизнью ради ботанических коллекций. Здесь хранится ценнейший гербарий ученика Каспара Баугина – Иоахима Бурсера (1583-1639) – одно из старейших в мире собраний сухих растений («Burser Herbarium»). Также очень важно и собрание Олфа Цельсия (1670-1756), называемое «Flora Uplandica». Заключенное в шесть, переплетенных как книги томов, оно содержит 711 образцов растений. Многие листы хранят заметки, сделанные рукой самого Линнея. Имеются и гербарные образцы дикорастущих или культивируемых растений, непосредственно собранных Линнеем. Их число составляет 74 листа. Все эти материалы имеют огромное значение для типификации названий линнеевских видов (хотя Эрнст Майр и не рекомендовал называть аутентики Линнея типами, так и понятия о типе появилось гораздо позже). Основной частью линнеевских коллекций владеет Линнеевское общество в Лондоне, среди них около 14 тыс. растений, 3198 насекомых, 1564 раковин моллюсков, 158 сухих рыб, а также библиотека числом 1600 томов и около 3 тыс. писем.

Замысел скульптора Гранлунда, где изображение Линнея кажется одетым в листья, кажется мне наиболее точным ощущением образа Великого Натуралиста. Опора бюста древовидна – это ветви переходящие в ствол и корень – таким образом, здесь Линней представлен как человек-дерево и это верно! Ведь любовь его к растениям была безгранична. Он наблюдал растения в природе и культуре, следил за временем, когда раскрываются венчики цветков и связывал это движение лепестков с положением солнца: «часы Флоры» в его саду позволяли точно определять время суток, а фенологические приметы – времена года. Он различал способы опыления и изображал перенос пыльцы ветром, в виде забавных рисунков, очень похожих на наивную живопись расписных сундуков и столешниц того времени. Этот языческий, простонародный мир уживался с античными образами «Метаморфоз» Овидия, откуда он черпал названия для родов растений и животных, снижая классический пафос меткими видовыми эпитетами. Гуманитарная образованность уживалась в нем с методичностью строгого экспериментатора. Его исследования по межвидовой гибридизации козлобородников имели целью изучение пола у растений, а в результате был получен искусственный гибрид и эта работа, присланная на конкурс Петербургской Академии наук в 1760 г. была отмечена премией, хотя и вы-

звала ряд замечаний у академика Й. Кёльрёйтера, одного из основоположников метода гибридизации растений.

О происхождении фамилии Линнея от липы повествует почти сказочный зачин книги Е.Г. Боброва (Lind – липа по-шведски) о предках-крестьянах живших в лене Круноберг провинции Смоланд в южной Швеции. Липа с ветвистой кроной и медоносными цветками была священным деревом прибалтийских народов, а трогательная любовь Линнея к изящному растению таежных лесов Северного полушария, названного в его честь его другом И.Ф. Гроновиусом Линнея северная, дар, который Линней ценил выше орденов, изображена на цоколе колонны.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 05-0303133а

СПИСОК ЛИТЕРАТУРА

- Бобров Е.Г.** 1970. Карл Линней. Л.: Наука, 288 с.
- Ватейшвили Д.Л.** 2003. Грузия и европейские страны. Очерки истории взаимоотношений XIII - XIX века. В 3 т. Т. 2. Побратим Петра Великого: Жизнь и деятельность Александра Багратиони. Ин-т общей истории РАН. М., Наука, 2003 г. 838 с., .
- Йейтс Ф.** 1999. Розенкрейцерское просвещение, М., Алетейа и Энигма. 494 с.
- Карл Линней.** Сб. статей. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 230 с.
- Линней, К.** 1790. Водка в руках философа, врача и простолюдина. Сочинение прелюбопытное и для всякого полезное. СПб, тип. Богдановича. 44 с.
- Переводы из Энциклопедии.** М., 1767. Ч. 1.
- Путешествие братьев Демидовых по Европе.** Письма и подневные журналы 1750-1761 годы. М., Индрик 2006. 511 с. Подготовка текста, вступительная статья и подстрочные комментарии Г.А. Победимовой. Указатели именные, географические (С.Н. Искюль), словарь иностранных и устаревших слов (П.И. Хотеев).
- Скворцов А.К.** 2007. У истоков систематики. К 300-летию Карла Линнея. Природа № 4. С. 3-10.
- Cain A.J.** 1992. Was Linnaeus a Rosicrucian ? // The Linnean. Vol.8. N. 3 : 23 - 44.
- Harnesk H.** 2006. Linné i Uppsala. Hallgren & Fallgren. 124 с.
- Linné С.** 1980. Lapländische Reise und andere Schriften. Leipzig : Verlag Philipp Reclam. 402 S.

Поступила в редакцию
1 августа 2007 г.